

Черносотенные (монархические) партии, которые были самыми массовыми политическими организациями в России в период между двумя революциями, долгое время находились фактически вне поля зрения историков. Последнее десятилетие несколько исправило ситуацию, но некоторые аспекты по-прежнему недостаточно освещены в историографии, в частности, их социальный состав.

С момента зарождения черносотенного движения и до начала 90-х гг. XX в. немногочисленные исследователи в основном стремились доказать его узкосословный характер¹. Концептуальные изменения в изучении монархических партий последовали лишь на рубеже 1990-х гг. в связи с выходом работ С.А. Степанова, Д.И. Раскина, В.В. Кожина², внесших значительный вклад в изучение истории этого движения и в немалой степени способствовавших разрушению существовавших стереотипов. Исследованию социального состава правых партий уделено место в монографии Ю.И. Кирьянова³, но автор рассматривал его лишь в период спада черносотенного движения (1911-1917).

Для исследования проблемы я использовал документы Центрального государственного исторического архива Украины (ЦГИАУ) в Киеве (фонды канцелярии Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора (ф. 442), Одесского временного генерал-губернатора (ф. 335), жандармских Управлений Киевской (ф. 274) и Волынской (ф. 1335) губ.; Киевского Охранного отделения (ф. 275), Юго-Западного районного Охранного отделения в Киеве (ф. 276), а также Коллекции листовок (ф. 838); Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге (фонды Департамента общих дел Министерства внутренних дел (ф. 1284) и Конторы двора вел. княгини Елизаветы Маврикиевны и вел. кн. Константина Константиновича (ф. 538) и Государственного архива Тверской обл. (ГА ТО) в Твери (фонд Тверского губернского жандармского управления (ф. 927)).

В документах этих фондов, часть которых впервые введена в научный оборот, содержатся обширные сведения о настроениях населения, деятельности правых партий и их численности, характеристики их лидеров и наиболее активных членов, прошения на имя различных должностных лиц.

Кроме того, использованы и опубликованные документы. Наиболее важными из них являются материалы, собранные следственной комиссией Временного правительства⁴, а также подготовленные Ю.И. Кирьяновым публикации документов, касающихся деятельности правых⁵.

Социальный состав черносотенцев в советской историографии очерчивался предельно просто: реакционные помещики и деклассированные элементы, разбавленные связанной с самодержавием буржуазией. По моему мнению, это упрощенный подход к проблеме. Монархический лагерь насчитывал несколько десятков союзов и организаций, рекрутировавших своих членов из самых разных слоев населения. Если в составе "Русского собрания" был представлен высший свет столицы, то в Союзе русского народа (СРН) социальный спектр был гораздо шире, охватывая основные общественные классы и социальные группы. Входили в СРН и люмпены, периодически примыкавшие к черносотенцам в надежде поживиться или свести с кем-либо счеты. Руководство правых (особенно СРН) иногда использовало деклассированные элементы в своих целях. Но необходимо отметить, что люмпен-пролетариат не играл в черносотенных организациях не только главной, но и сколько-нибудь значительной роли.

Стержнем черносотенного движения являлось дворянство. Оно было представлено фактически во всех правых организациях, занимая, как правило, руководящие посты. Даже в Главном совете самой "демократичной" черносотенной организации - СРН - 17 из 34 членов принадлежали к дворянскому сословию. Среди 45 председателей губернских отделов СРН было 29 дворян. В Союзе русских людей среди 48 членов-учредителей 31 принадлежал к дворянскому сословию⁶.

Хотя в программах черносотенцев все беды России связывались с бюрократией, ме-

шающей единению царя с народом, тем не менее подавляющее большинство чиновников, иногда по прямому указанию сверху, поддерживали крайне правые партии. Но дворяне вместе с классными чиновниками составляли менее 1.5% населения⁷. Вскоре после издания Манифеста 17 октября 1905 г. политическая борьба в России перешла в свою новую фазу - парламентскую. Несмотря на преимущества, даваемые избирательным законом дворянству, отстаивать свои интересы в Государственной Думе без поддержки широких слоев населения не представлялось возможными. Поэтому монархисты, принадлежавшие к цензовым классам, развернули работу по поиску союзников в других социальных группах и созданию массового политического движения, способного обеспечить победу на думских выборах.

Крупная буржуазия не оправдала надежд монархистов, хотя и была представлена в черносотенных партиях, но в основном теми ее кругами, которые были связаны с самодержавием экономически, посредством правительственных заказов, субсидий, различных льгот и привилегий. Когда же стало ясно, что сохранить монархию в существующем виде не удастся, представители крупной буржуазии становятся сторонниками буржуазных реформ. К тому же стремление черносотенцев сохранить аграрное общество и их неприятие капитализма и буржуазной морали, основанной на наживе, в конце концов, развело монархистов и крупных предпринимателей по разные стороны баррикады, хотя мелкокупеческие слои в основном поддерживали монархическое движение.

Типичный черносотенец по представлениям левой прессы того времени - это лавочник или приказчик с дубиной или кистенем в руках. В целом, этот образ соответствует действительности. Среди мелкой городской буржуазии черносотенные идеи пользовались популярностью. Представители этого социального слоя всю вину за издержки процесса модернизации страны перекладывали на оппозиционные либерально-демократические силы. С началом революции 1905-1907 гг., когда зашаталась устои самодержавия, когда на улицах рвали портреты монарха и "смутьяны" призывали ограничить его власть, именно мелкая городская буржуазия первой вышла на уличные контрманифестации. Многие представители мелкого предпринимательства находились в зависимости от полиции. Поэтому демонстрация верности престолу с их стороны являлась одновременно и способом заслужить благосклонность полиции. Кроме того, революционные выступления (волнения, забастовки) подрывали основы существования городских низов, лишая их заработка.

Мелкие ремесленники, испытывая конкуренцию со стороны еврейских мастеровых, также оказались в рядах черносотенцев, надеясь «неэкономическим» путем победить в этом соревновании. Союз русских рабочих в своей программе обращал «особое внимание на положение в ремесленных заведениях рабочих-учеников и подмастерьев, на отношение к ним лично и их труду со стороны евреев»⁸. Кроме того, дальнейший рост промышленного производства угрожал пока еще весьма прочным позициям кустарей на потребительском рынке, объективно подталкивая их в лагерь политических противников капитализма.

Распространенное мнение о том, что интеллигенция игнорировала правые организации, не имеет достаточных оснований, во всяком случае в период 1906-1913 гг. Среди активных деятелей правых можно назвать академика А.И. Соболевского, ректора Новороссийского университета С.В. Левашова, профессоров А.С. Вязигина и Д.И. Пихно, известного историка Д.И. Иловайского, писателя Д.И. Голицына (Муравлина) и др. Интеллигенция, как и все русское общество, оказалась расколотой, часть ее выступала

на стороне черносотенцев, служа идеологической элитой монархических союзов и организаций.

Большая часть разночинной интеллигенции поддержала либерально-демократическую оппозицию. Но многие выходцы из дворянского сословия, а также те, кто достиг определенного общественного и финансового положения, выступали за сохранение самодержавия как гаранта своего благополучия. Наиболее высоким уровень доходов интеллигенции был в университетских центрах - Москве, Петербурге, Одессе, Киеве, Харькове, что и предопределило популярность правых идей в образованном обществе

этих городов. Но в провинции представители свободных профессий были менее состоятельными, их экономические интересы теснее переплетались с интересами низших слоев населения. Несоответствие уровня образования провинциальной интеллигенции (достаточно высокого не только в крупных городах) уровню ее доходов вызывало оппозиционные настроения в ее среде.

Характерны сведения о правых организациях, предоставленные начальниками губернских жандармских управлений в Департамент полиции. Начальник Таврического губернского жандармского управления (ГЖУ) отмечал: «Главный недостаток Таврического отдела Союза тот же, что и Керчь-Еникальского, - отсутствие интеллигентных идейных работников». По свидетельству начальника Бессарабского ГЖУ, «слабая сторона этих организаций - отсутствие в их рядах интеллигенции, которая сторонится, боясь травли еврейской печати, которая зорко следит на местах за деятельностью монархических организаций»⁹.

Российское либерально-демократическое движение часто шло бок о бок с национальным, требовавшим введения автономии, образования на родном языке, развития национальной культуры. Опасаясь подобного развития событий, русскоязычная интеллигенция искала защиты в черносотенном лагере.

На Украине доля этнических русских среди интеллигенции составляла 29.8%, украинцев - 32%, евреев 15.3%, при этом наблюдался опережающий рост численности именно последних двух групп¹⁰. Фактически русская интеллигенция уже уступила пальму первенства украинской, и хотя последняя в большинстве своем еще оставалась русскоязычной, рост националистического движения на южной окраине России все шире вовлекал украинскую интеллигенцию в процесс национальной самоидентификации.

К началу XX в. появилась и национальная еврейская интеллигенция, во многих областях (например, медицина, право) успешно конкурировавшая с русской¹¹, вызывая ее недовольство.

В целом, в центральных губерниях России интеллигенция поддерживала оппозицию, на Украине же, как и во многих национальных районах, русскоязычная ее часть в большинстве своем оказалась на стороне консервативно-охранительных сил. Но с полевением общественных настроений интеллигенция стала менее охотно вступать в крайне правые партии, а иногда и покидать их. Председатель одесского филиала «Русского собрания» в своей речи по случаю годовщины отдела вынужден был отметить: «Самый позорный факт в жизни "Русского собрания" - это бегство из него профессоров»¹².

Долгое время считалось, что рабочий класс не был широко представлен в рядах крайне правых организаций. Но факты свидетельствуют об обратном. Только в Киеве Союз русских рабочих, согласно донесению киевского вице-губернатора в Департамент полиции от 7 декабря 1907 г., объединял в своих рядах 6500 человек¹³. Существовало несколько филиалов этой организации - в Чигирине Киевской губ. (85 членов)¹⁴, в Бердичеве, Петербурге¹⁵, Курске (115 членов), Екатеринославле. в Каменске Екатеринославской губ. (3000 членов) и на рудниках Ауэрбаха Бахмутского уезда той же губернии (300 членов)¹⁶, в Костроме, а также в г. Каменце-Подольском (512 членов) и в местечке Дунаевцы Ущицкого уезда Подольской губ. (78 членов)¹ В Николаеве Херсонской губ. имелся Союз рабочих русского народа. В 1913 г. открыт Пензенский ремесленный отдел СРН. В Уфе в 1906 г. действовало Патриотическое общество рабочих. Часто рабочие не создавали свои черносотенные организации, входя в обычные

86

местные отделы существующих монархических партий. Подтверждением этому служит факт создания Кассы взаимопомощи рабочих - членов Харьковского СРН при местном отделе этой организации¹⁷.

В Одессе к СРН присоединилось свыше 600 рабочих из Партии правого порядка, прекратившей свою деятельность после выборов в I Думу¹⁸. Кроме того, еще 1350 человек работало в принадлежащих Союзу портовых артелях грузчиков¹⁹. В Тверской губ. Союз истинно русских людей создал отдел на Морозовской мануфактуре, насчитывавший около 700 рабочих²⁰. В Мытищах (Московской губ.) около 400 рабочих вступили в СРН²¹. В 1907

г. на станции Икша Дмитровского уезда той же губернии при фабрике Покровской мануфактуры создан Покровский отдел СРН²².

По сведениям Департамента полиции, за октябрь 1906 г. «Ярославская патриотическая организация, именуемая отделом СРН..., успела привлечь в ряды Союза не только большинство местных жителей, но и весь почти контингент служащих в ярославских торгово-промышленных предприятиях, за исключением Корзинкинской мануфактуры, на которой так много рабочих, принадлежащих к партиям крайнего направления. Однако руководители упомянутого Союза с помощью своих единомышленников из числа рабочих названной мануфактуры не замедлили распространить партийную деятельность и на означенное предприятие, где в последнее время уже насчитывается свыше 2000 членов СРН»²³.

Особой популярностью черносотенные идеи пользовались среди железнодорожных рабочих и служащих. В Славянске СРН поддерживало 2000 рабочих железнодорожных мастерских²⁴. Русский монархический союз в Москве имел в своем составе 3 железнодорожных отдела (Александровской, Московско-Курской железной дороги и московского узла)²⁵. Численность последнего, по сведениям, предоставленным В.М. Пуришкевичем товарищу министра внутренних дел С.П. Белецкому, составляла около 600 человек²⁶. Председатель же правления Русского монархического союза С. А. Кельцев указывал на существовавшие в Москве «четыре небольших железнодорожных отдела»²⁷.

Кроме того, железнодорожные отделы СРН существовали в Туле²⁸, Одоеве²⁹ (Тульская губ.), Николаеве³⁰ и в Челябинске³¹. При станции Орша Александровской железной дороги действовал «кружок Палаты Михаила Архангела, состоящий из служащих этой дороги»³². Даже такая достаточно элитарная организация, как Союз русских людей (наследница «Кружка московских дворян»), имела свой железнодорожный отдел в Одессе³³. По сводке агентурных донесений по Московскому жандармскому управлению железных дорог за сентябрь 1911 г., Подольский отдел СРН (Московской губ.) «состоит преимущественно из рабочих и служащих Главных московских мастерских. . .»³⁴. В Тамбовской губ., по сообщению «Вестника русского собрания» от 3 марта 1906 г., в городе «Козлове... имеется особый отдел Союза [русского народа] в вагонных железнодорожных мастерских, насчитывающий более 1000 членов»³⁵.

По сведениям начальника Киевского губернского жандармского управления, в 1911 г. «рабочие в железнодорожных мастерских, за исключением молодежи, все элемент консервативный»³⁶. Результатом таких верноподданнических настроений стало создание в Киеве сразу четырех железнодорожных отделов черносотенных организаций: два входили в Союз русского народа, один железнодорожный и извозпромышленный отдел находился под эгидой Союза Михаила Архангела³⁷ и еще один являлся филиалом независимого Киевского СРН³⁸. Известна численность только одной из этих организаций. По данным Киевского охранного отделения, в 1909 г. в составе 2-го железнодорожного отдела СРН насчитывалось 523 члена³⁹. От него было выставлено 278 человек для участия в охране прибывающего в Киев императора.

Многие рабочие сохраняли крестьянское мировоззрение. По приемным книгам промышленных предприятий видно, что рабочие нередко приводили на фабрику не только своих детей, жен, но и других родственников, а также односельчан⁴⁰. По воспоминаниям современников, «на фабриках и заводах мало-помалу подбирается состав рабочих из близких друг к другу волостей и даже из одной и той же волости»⁴¹. Патриар-

хальные нравы деревенской общины, таким образом, переносились и в город. Молодые рабочие, пришедшие на производство, попадали под власть авторитета своих старших земляков, давно уже работающих на данном предприятии. Эти квалифицированные рабочие получали более высокую заработную плату и выступали против забастовок, нарушающих нормальный производственный цикл. Необходимо учитывать, что рабочие с низкой квалификацией, как правило, не имели сбережений, поэтому прекращение выплаты заработной платы в связи с забастовкой делало проблематичным существование их семей, что тоже подталкивало низкооплачиваемых рабочих в ряды правых партий.

Таким образом, из среды промышленного пролетариата черносотенные организации

рекрутировали в свои ряды в основном высокооплачиваемых рабочих и малограмотных недавних выходцев из деревни, сохранявших вместе с менталитетом, свойственным аграрному обществу, и монархические иллюзии. Например, в фабричном отделе СРН при Покровской мануфактуре все руководящие должности (председатель, его заместитель, секретарь и казначей) замещались крестьянами. Причем, по сообщению властей, один из них даже жил в деревне⁴². В Бронницком уезде Московской губ. председатель Раменского отдела Союза русских людей А.Я. Киселев и его заместитель А.А. Разиков принадлежали к «рабочей аристократии» (работали конторщиками на фабрике Малютина) и в то же время числились в крестьянском сословии⁴³.

Средний слой фабрично-заводских рабочих, как правило, уже во втором поколении трудившийся на предприятии и обладавший более высоким уровнем грамотности, но не имевший доходов «рабочей аристократии», был более подвержен революционной пропаганде. Понимая иллюзорность надежд попасть в ряды «белых воротничков», политически наиболее активная среднеоплачиваемая часть рабочего класса чаще поддерживала леворадикальное движение.

Например, в рабочем посаде Сормово Нижегородской губ., насчитывавшем к 1914 г. 11 тыс. рабочих, имелись отдел и подотдел СРН численностью 420 человек⁴⁴, или около 4% от общей численности. Сложные технологические процессы на предприятии общества «Сормово» (производство судов, паровозов, вагонов, паровых двигателей и т.п.) исключали массовое использование неквалифицированной рабочей силы, что и предопределило популярность революционных идей в «красном» Сормове и ограничило социальную базу правых тонкой прослойкой «рабочей аристократии». Правда, в силу особенностей производства, она была достаточно многочисленной и, вероятно, сравнима с долей высокооплачиваемых рабочих в насыщенном металлообрабатывающими предприятиями Петербурге (более 4%).

В Иваново-Вознесенске, крупнейшем центре текстильной промышленности, требования к квалификации рабочих были намного ниже. Среди ивановских текстильщиков, по данным на 1897 г., грамотными были только 38% (для сравнения - в механическом цехе Сормовского завода их было в 2 раза больше - 76.9%) и лишь около трети были потомственными пролетариями. В целом в российской текстильной промышленности доля малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих была очень большой - 72.3%⁴⁵. Соответственно социальная база правых в Иваново-Вознесенске была весьма значительной. Результатом этого стала появление в городе с населением около 60 тыс. человек, из которых почти половину составляли рабочие, отдела СРН, объединявшего в своих рядах 16500 членов⁴⁶.

Таким образом, в Центральном промышленном районе значительную часть активистов черносотенных организаций составляли рабочие. Этот факт признавали и марксисты. В.И. Ленин главной причиной таких консервативных настроений рабочих «исконно русских» губерний считал «менее развитые формы крупной промышленности, охватившей громадные массы рабочих, но менее порвавшие связи с землей, менее концентрировавшие пролетариев в интеллектуальных центрах»⁴⁷.

Правительство поощряло вступление рабочих в черносотенные организации, не без оснований надеясь использовать их в борьбе против забастовочного движения. Активистка Литейно-Рождественского отдела СРН (Санкт-Петербург) О.Н. Морозова в письме в Департамент полиции, перечисляя заслуги правых, указывала, что осенью

1905 г. «забастовки, особенно железнодорожные и почтовые, союзниками срывались»⁴⁸.

Но объединение пролетариата в рамках пусть и лояльной к властям монархической организации было обоюдоострым оружием. Некоторые рабочие видели в черносотенных организациях прежде всего профсоюз, призванный защищать их интересы в борьбе с предпринимателями, т.е. новое издание «зубатовщины». По сообщению Юго-Западного охранного отделения, в январе 1911 г. «рабочие А. Шулика и А. Донец, руководители Лебединского отдела СРН, предполагают агитировать за устройство забастовки, в случае если правление больничной кассы сахарного завода будет назначено, а не избрано»⁴⁹. Они

заявили, что «не хотят, чтобы в правление кассы были назначены четыре лица, уполномоченные фабрикантом... а чтобы все без исключения были избраны рабочими». Их требования не были удовлетворены, и 44 человека демонстративно отказались участвовать в «выборах» больничной кассы⁵⁰.

Рабочие общества и союзы, созданные под эгидой «черной сотни», обещали главное - работу. Рабочим-черносотенцам предоставлялась лучше оплачиваемая работа, их не увольняли в случае локаутов и т.п. В Одесском порту рабочие-«союзники» направили следующее прошение градоначальнику: «Мы, рабочие Московской артели, остающиеся верными царю-батюшке и Родине, имеем честь просить Ваше превосходительство принять участие в нашем положении. Вследствие наших монархических убеждений заведывающий поденными работами... не берет ни одного из нас со дня окончания забастовок (2-ой месяц) на работы. Слезно молим Ваше превосходительство ходатайствовать перед старостой московской артели Г.М. Муратовым о предоставлении нам работы... Просим дать нам охрану, ввиду того, что нас не допускают наши же рабочие (забастовщики) приступить к работам»⁵¹. Чтобы подкрепить свою просьбу, рабочие приложили к ней список желающих вступить в ряды СРН из 118 фамилий⁵².

После создания союзнической артели в Одесском порту в 1905 г. СРН контролировал самые выгодные работы, поэтому остальная часть рабочих оказалась перед дилеммой - либо получать гроши, либо пополнить ряды черносотенцев.

Однако дальнейшее левение общества привело к тому, что «союзники» оказались в изоляции, особенно в промышленных центрах, что не могло не повлиять на отношение рабочих к "черной сотне". Рабочий-член боевой дружины СРН в Петербурге И.А. Лавров свидетельствовал: «Я стал замечать, что завод знает тех рабочих, которые состоят союзниками... и нас стали преследовать и убивать. Так был убит мой брат и на меня стали покушаться»⁵³. Член Главного совета СРН В.П. Соколов отмечал, что рабочие записываться в союз приходили «вечером и даже ночью... опасаясь конечно мести или репрессий со стороны революционно настроенной части»⁵⁴.

Факт отхода рабочих от монархических организаций отражен и в документах Министерства внутренних дел. Так, в 1907 г. в Клеве численность СРН составляла 6500 членов, а впоследствии снизилась до 3 тыс. рабочих⁵⁵. Екатеринославский отдел этой организации первоначально объединял около 4 тыс. членов. К августу 1908 г. отдел Союза русских рабочих при Брянском заводе в состав которого входили уже и рабочие железнодорожных мастерских, а также Трубопрокатного завода, бывшего завода Шодуар, насчитывал всего 1500 членов⁵⁶.

В прошении петербургских рабочих на имя вел. кн. Константина Константиновича говорилось: «Мы, безработные члены Союза русского народа, в числе 131 человека, почти целый год находимся обреченными на произвол судьбы, изгнанными крамольниками и революционерами из заводов, фабрик и разных казенных правительственных учреждений за то, что мы причастны к упомянутому союзу». Рабочие-союзники жаловались на то, что «их избивали и выгоняли вон не хозяева и начальство, а те же социалисты, которые разрушают веру православную и Русское государство..»⁵⁷.

По подсчетам С.А. Степанова, общая численность рабочих-черносотенцев по всей стране составляла примерно 12-15 тыс. человек⁵⁸. На мой взгляд, цифры эти не совсем точны. Только в перечисленных рабочих отделах монархических организаций, по которым имеются точные данные, насчитывалось около 24 тыс. членов. Численность же

рабочих, участвовавших в деятельности остальных отделов черносотенных партий, в первую очередь СРН и Русского народного союза имени Михаила Архангела, а также отделов Союза русских рабочих, пока не поддается точному исчислению, но наверняка существенно увеличит эту цифру.

Активную агитацию черносотенцы развернули среди крестьян, рассчитывая на традиционную преданность престолу российской деревни. Особенно успешной эта агитация была на западных окраинах империи, в черте еврейской оседлости, в частности на Украине. Этому в значительной мере способствовали особенности местных условий.

Крестьяне в этих регионах, как правило, продавали произведенную продукцию не прямо потребителю, а посреднику, которым чаще всего выступал еврейский торговец, теряя, естественно, при этом часть своей прибыли. Многие товары для собственных нужд крестьяне покупали у этих же торговцев. В отчете Киевского губернатора за апрель 1913 г. говорилось: «Отношения между крестьянами и евреями по-прежнему недружелюбные, и это особенно резко замечается в тех местах, где наряду с еврейской торговлей открыты русские потребительские общества, терпящие убытки от конкуренции. .. в торговле»⁵⁹. Другой официальный документ свидетельствует: «Евреи остаются верны себе в отношении стремления к засилью в сельских местностях. Поведение их получает должную оценку в глазах крестьянства и отношения между последним и евреями далеко не дружественные»⁶⁰. По данным И.М. Бикермана, в черте оседлости на тысячу торговцев зерновыми продуктами приходилось 930 евреев⁶¹.

Антиеврейские настроения на селе всячески поддерживало, а иногда и разжигало местное духовенство. Председатель Почаевского отдела СРН архимандрит Виталий «в беседах с членами Союза говорит о необходимости запрещения торговли евреям в праздничные и воскресные дни по окончании церковной службы, а также советует крестьянам ничего не продавать евреям и ничего у них не покупать, но советы эти крестьяне не выполняют, очевидно, по экономическим соображениям»⁶². Как видим, несмотря на существовавший в крестьянском сознании антисемитизм, экономическое положение земледельцев не позволяло им обойтись без евреев-посредников.

Законом 1882 г. лицам иудейского вероисповедания запрещалось приобретать земельные участки в собственность вне черты оседлости. Но отчет Волынского губернатора за 1911 г. свидетельствует о том, что многие евреи всячески стремились обходными путями купить или арендовать землю⁶³. Это вызывало серьезные опасения землевладельцев, особенно крестьян, боявшихся перехода своих участков в руки еврейских торговцев. Подобные настроения на селе способствовали тому, что черносотенные партии, в первую очередь СРН, нашли самую широкую поддержку со стороны крестьян Юго-Западного края.

Агитаторы Союза (в основном из числа местных священников) выступали также за передачу земли помещиков-католиков крестьянам, чтобы ослабить позиции сторонников католической церкви в регионе. Их активность вызывала определенную тревогу у властей, ибо конфискация земель польских помещиков могла послужить прецедентом и в отношении помещиков русских. В донесении канцелярии генерал-губернатора Юго-Западного края в 1911 г. говорилось: «наблюдается за последний период времени следующее характерное явление: крестьяне стали весьма охотно записываться в Союз русского народа, в предположении, что деятельность Союза направлена будто бы к отобранию земли у помещиков для передачи крестьянам»⁶⁴. «Сея среди крестьян вражду ко всем инородцам и помещикам, лица эти (агитаторы Союза. - *И.О.*) внушали крестьянам необходимость записываться в Союз, который один в состоянии осуществить мечты крестьян наделить их отнятыми от помещиков принудительно землями, освободить их от всякой зависимости перед правительством и т.д.»⁶⁵.

Несмотря на меры, принятые властями, подобные настроения среди крестьян продолжали распространяться. Об этом свидетельствует записка помощника начальника Подольского губернского жандармского управления в Балтском уезде: «Крестьяне многих сел записывались и продолжают ныне записываться в Союз русского народа... Среди крестьян распространялись толки и слухи, что записавшиеся в Союз не должны

90

признавать земства, не должны платить земских сборов и иных податей, не должны слушать приказаний существующего начальства и властей, и распоряжения таковых для них не обязательны, так как у союзников имеется свое непосредственное начальство в виде Главного совета Союза русского народа, и в частности, в виде архимандрита Виталия в Почаеве»⁶⁶.

Крестьяне вступали в СРН целыми селами, как, например, жители сел Тарнавы⁶⁷ и Соборовки⁶⁸, но не для борьбы с «врагами Престола и Отечества» и противодействия

«засилью инородцев», а для того, чтобы диктовать свои условия помещикам. Например, в Овручском уезде крестьяне-«союзники» «составили сельский приговор не идти на работу к помещикам в зимнее время взрослым ниже одного рубля, а малолетним 50 коп., в летнее время первым 2-х, а вторым 1-го рубля»⁶⁹.

В итоге в Юго-Западном крае СРН за счет крестьян значительно пополнил свои ряды, но результат оказался противоположным ожидаемому: вместо укрепления на селе «порядка и законности» участились крестьянские волнения и выступления. Положение в Киевской, Подольской и Волынской губ. стало настолько серьезным, что министр внутренних дел Н.А. Маклаков вынужден был в письме к начальнику Юго-Западного края требовать «принять самые решительные меры к недопущению подобной деятельности местных отделов Союза русского народа»⁷⁰.

Но властям так и не удалось изменить ситуацию. В марте 1913г. Киевский, Волынский и Подольский генерал-губернатор сообщал в Департамент полиции: «В местах нахождения отделов Союза русского народа продолжает существовать среди крестьян извращенное понятие о каких-то преимуществах членов союза и праве их регулировать отношения рабочих (сельскохозяйственных. - *И.О.*) и местных землевладельцев, назначать цены на рабочие руки и проч.»⁷¹.

Созданные для защиты монархии сельские отделы СРН в Юго-Западном крае превратились в своеобразные крестьянские профсоюзы и, в конечном счете, направили свою деятельность против главного из устоев самодержавия - помещичьего землевладения.

Это не могло не вызвать негативную реакцию крупных землевладельцев. «Организовавшиеся в пределах Хотинского уезда в 1913г. подотделы Союза русского народа совершенно распались при первом же нажиме со стороны помещиков, недовольных вообще существованием в деревне какой бы то ни было организованной силы», - сообщалось в донесении Департаменту полиции⁷².

Со временем крестьяне поняли, что земли им не дадут, и стали покидать ряды СРН. В уже цитировавшемся донесении канцелярии генерал-губернатора Юго-Западного края отмечалось: «Соблазненные такими перспективами (получение земли и освобождение от податей. - *И.О.*) крестьяне стали охотно записываться в отделы Союза. Но через некоторое время, убедившись, что дальше посула дело не идет, и разочаровавшись в своих руководителях... крестьяне также быстро порывают связи с этой организацией...»⁷³.

Чтобы побудить крестьян вступать в СРН, отделы открывали «союзные» лавки, цены в которых были ниже, чем у еврейских торговцев. Но эти лавки в конце концов закрылись, не выдержав конкуренции. В связи с этим в Волынское ГЖУ поступило следующее донесение: «В настоящее время новых отделов Союза русского народа не открывается и многие, ввиду упразднения союзных лавок, к Союзу как бы охладели»⁷⁴. Но, несмотря на разочарование в СРН, многие тысячи крестьян на Юге России все же оставались его членами.

В центральных областях страны ситуация была несколько иной. Участие крестьян в деятельности черносотенных организаций здесь было не столь активным, поскольку не было помещиков-инородцев, чьи земли могли пообещать крестьянам правые. Этнически однородное население региона не способствовало возникновению национальных противоречий. Однако имелись факторы, способствовавшие привлечению в ряды правых и крестьян великорусских губерний. Помимо земледелия в этом регионе значительную часть доходов сельских жителей составляли кустарный и отхожий промыслы. Развитие революции 1905-1907 гг., рост забастовочного движения и снижение покупательной способности городского населения, на удовлетворение потребностей которо-

го и были направлены крестьянские промыслы, существенно ухудшили благосостояние крестьян, создав, таким образом, экономический базис черносотенных настроений в деревне.

Появление СРН, находившегося под покровительством самого императора и призванного служить посредником между царем и народом, было воспринято крестьянами как новый канал для передачи крестьянских жалоб властям.

Но так как правые настаивали на сохранении помещичьего землевладения, а отсутствие помещиков-инородцев не позволяло использовать популистские лозунги передачи их земель православным земледельцам, популярность СРН среди крестьян великорусских губерний не достигла такого размаха как на Украине. Например, во Владимирской губ. из 20749 членов правых партий 19282 принадлежали к городским организациям Владимира, Муром, Коврова, Иваново-Вознесенска, Переславля и Шуи. В Калужской губ. в организациях СРН состояло 1375 членов, из которых в городских отделах и подотделах числился 1161 человек⁷⁵. Аналогичная картина наблюдалась по всему Центральному промышленному району.

Крестьянство стремилось к порядку, устойчивости и стабильности, но при этом не забывало и своих коренных интересов - землю. Эти мотивы, действовавшие одновременно, приводили к парадоксальному результату. Крестьянство, частично сохраняя монархические настроения, активно участвовало в революционных выступлениях, направленных против помещичьего землевладения. Только на Украине эти два стремления могли уживаться в сознании крестьян, так как там польских помещиков можно было отождествить с противниками православной монархии. В центральной же России крестьянство довольно быстро в большинстве своем отошло от СРН, поняв, что решение самодержавием земельного вопроса в ущерб помещикам невозможно.

Немалую роль в отходе крестьянства от монархических организаций сыграла и та особенность региона, что большое количество предприятий было расположено в деревне. С одной стороны это явление замедляло рост классового сознания пролетариата, а с другой - крестьянство проникалось революционными настроениями. В Московской губ., по свидетельству властей, «настроение крестьянского населения далеко не имеет того мирного характера и спокойствия, которые столь необходимы и столь желательны в народной жизни и без которых немислимо никакое улучшение ее»⁷⁶. Тверское ГЖУ отмечало, что «крестьянская молодежь, в особенности в фабричных районах, довольно напропагандирована»⁷⁷.

В целом в составе черносотенных союзов и организаций доля представителей низших классов общества была весьма значительной. По сведениям начальника Харьковского ГЖУ генерал-майора Рыковского, направленным товарищу министра внутренних дел С.П. Белецкому, Харьковский отдел СРН «представляет из себя весьма прочную организацию лиц, главным образом из простолюдинов, преданных монарху и исповедуемым Союзом принципам». В Керчь-Еникальском отделе Всероссийского Дубровинского Союза русского народа, сообщало Таврическое ГЖУ, «нет... лиц обеспеченных материально»⁷⁸.

В Тверском отделе СРН даже председатель и секретарь, «люди, безусловно, монархического направления», «будучи весьма незаметными и маленькими людьми в тверском обществе... не играют решительно никакой роли и не пользуются никаким авторитетом за пределами руководимой ими организации». В г. Валуйки Курской губ. в составе местного отдела Союза имени Михаила Архангела, насчитывавшем 100 членов, числился 1 дворянин, 3 землевладельца, бывший волостной писарь, «остальные члены - беднейшие мещане г. Валуйки и крестьяне ближайших к Валуйкам деревень». По сведениям Киевского ГЖУ, в существовавших в местечке Смела отделах черносотенных организаций «члены совета правлений и рядовые члены - преимущественно крестьяне, сапожники по профессии». В Вологодской губ., по сведениям полиции, в местные организации СРН «в большинстве входят крестьяне, чернорабочие и женщины»⁷⁹.

Хотя монархисты признавали, что в борьбе за молодое поколение они проигрывают левым радикалам, тем не менее в деятельности черносотенных союзов и организа-

ций принимала участие и молодежь. По всей империи правых студентов объединяли «партии академического порядка». На Украине активно действовала молодежная организация «Двуглавый орел», в составе которой были представители различных сословий, но преимущественно состоятельные студенты и гимназисты. В киевском отделе «Общества активной борьбы с революцией и анархией» почти половина членов были несовершеннолетними⁸⁰. По сообщению Николаевского градоначальника, на собраниях

местного отдела СРН «замечается большая часть молодежи»⁸¹. При этом следует отметить, что молодежь охотнее вступала в те ультраправые черносотенные организации, деятельность которых носила экстремистский характер и по типу социального действия приближались к радикалам.

По поводу национального состава черносотенцев нужно отметить, что и монархические, и русские националистические партии не делали различия между великороссами и малороссами и потому на Украине они объединяли в своих рядах и тех, и других. По сведениям, представленным генерал-губернатору Юго-Западного края, «чисто великорусских организаций не имеется, а те, в которых эти элементы являются преобладающими, называются просто русскими и в них входят как великороссы, так и малороссы»⁸². При этом украинцы также в большинстве своем не идентифицировали себя как отдельную нацию. Хотя по донесению подольского вице-губернатора в Департамент полиции в 1907 г. в с. Семидубах Балтского уезда существовал отдел монархического союза православных украинцев, насчитывающий 140 членов⁸³, но это скорее исключение, подтверждающее правило, так как упоминаний про этот отдел и союз больше не встречается.

Представителям неславянских национальностей на вступление в черносотенные организации требовалось согласие общего собрания. Исключение делалось лишь для обрусевших немцев, которые, по мнению черносотенцев, много сделали для Российской империи.

В Волынской губ. существовали поселки-колонии, заселенные немцами и чехами, сохранявшими свой язык и культуру. По сведениям волынского губернатора, в двух из них были созданы филиалы СРН: в колонии Ядвинин Острожского уезда (35 членов) и в колонии Дворище Житомирского уезда (60 членов)⁸⁴.

В монархических организациях были представители и иных национальностей. Председателем правой фракции в III Думе был Курский губернский предводитель дворянства, обрусевший француз гр. В.Ф. Дорер, а членом главной палаты Союза Михаила Архангела состоял гр. Н.Н. де Рошефор. Среди лидеров черносотенного движения были два поляка: руководитель русской народной партии в Казани профессор В.Ф. За-лесский и редактор «Земщины» С.К. Глинка-Янчевский. Политические оппоненты подчеркивали еврейское происхождение основателя «Русской монархической партии» В.А. Грингмута. Судя по фамилии, были еврейские корни и у члена Главного совета СРН Г.В. Бутми-де-Кацмана.

«Черная сотня» объединяла самые различные организации, социальный состав которых был пестрым. Русское собрание и Союз русских людей являлись преимущественно дворянскими организациями. СРН был всесословным. Националисты объединяли прежде всего интеллигенцию, «лиц свободных профессий». Столичные организации и отделы состояли в основном из интеллигенции и чиновников, чаще всего дворян. Большую часть губернских филиалов также возглавляли дворяне, но в их Советах растет доля купцов и мещан. Уездные же отделы очень часто возглавляли местные священники. В промышленных центрах в черносотенные организации наряду с мелкой городской буржуазией входили и рабочие.

Такие организации, как Русское собрание, Союз русских людей, Монархическая партия, Всероссийский национальный союз состояли в основном из идейных монархистов. В СРН ситуация была несколько иной. Здесь наряду с «идейными борцами» за самодержавие значительную часть членов составляли лица, на время примкнувшие к союзу из различных побуждений (меркантильных, карьеристских и прочих).

Доменом монархических партий стали в первую очередь Украина, где социально-экономические проблемы, характерные для всей империи, дополнялись острыми национально-религиозными противоречиями, а также губернии центра России, отличавшиеся прочными православно-монархическими традициями.

Монархистам удалось создать политическое движение, имевшее сторонников во всех избирательных куриях, чего так и не смогли добиться их политические оппоненты.

Причиной массовости черносотенного движения, как, впрочем, и других политических движений в России начала XX в., стало наличие многочисленных маргинальных групп, порожденных бурным ростом промышленности и урбанизацией страны. В первую очередь, это переселившиеся в города крестьяне, разночинная интеллигенция, обезземеленное дворянство. Исследования различных видов социальных движений подтверждают, что маргиналы принимают в них весьма активное участие⁸⁵, стремясь прорвать социальную изоляцию. Эти слои населения в силу неустойчивости своего положения были особенно активны. Те, кого устраивал с таким трудом приобретенный, но непрочный статус, для его сохранения стремились к порядку и стабильности, что и привело их в черносотенный лагерь. Те же представители маргинальных групп, кто испытывал неудовлетворенность своим положением, оказались на стороне оппозиции.

Естественной социальной базой черносотенного движения стали, в первую очередь, состоятельные слои населения. Такие группы существовали во всех классах и сословиях Российской империи, что и обеспечило широкий социальный состав черносотенного движения.

Революционное движение, стремившееся радикально изменить существующую социально-политическую систему, не могло не затронуть архетипы общественного сознания, свойственные аграрному обществу, а также основанные на них социальные нормы. По мнению российского социолога С.С. Фролова, как только они начинают подвергаться сомнению, люди испытывают резкое обесценивание своих стремлений, социальный страх, беспокойство⁸⁶. Кроме того, разрушение базовых архетипов порождает проблемы самоидентификации личности, ее привязки к какой-либо устойчивой социальной группе, к каким-либо абсолютным ценностям. Все это создает почву для появления консервативного движения, имеющего целью сохранение привычного уклада жизни.

Религиозность населения служила серьезным препятствием для распространения революционных идей в массах. Поэтому среди базовых структур сознания, подвергшихся наиболее мощному давлению со стороны революционно-освободительного движения, в первую очередь следует выделить архетип «Святой Руси», лежащий в основе менталитета православных подданных Российской империи. Архетип «Великой державы» был атакован и русской революционной пропагандой, и окраинными национальными движениями. Сыграло свою роль и поражение в русско-японской войне, задевшее национальное достоинство русского человека. Критика в оппозиционной печати в адрес императора и самого института самодержавной монархии, традиционно в России выполнявшего патронажную функцию по отношению к низшим слоям населения, стремилась разрушить архетип царя-батюшки.

Вторжение революционной пропаганды порождало нередко обратную реакцию, которой и воспользовалось консервативно-монархическое движение. Обращение правых к основным архетипам русского национального сознания, нашедшим свое отражение в уваровской формуле «Православие, Самодержавие, Народность», позволило монархистам создать Бесклассовое, всесословное политическое движение.

Примечания

Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Вып. 5. СПб., 1907. С. 247—469; Залежский В. Монархисты. Харьков, 1929; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. 1920 г.). М., 1977.

² Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914). М., 1992; Раек и н Д.И. Идеология русского правого радикализма в конце XIX — начале XX в. // Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1. (Россия и русское зарубежье) СПб., 1992. С. 5^М; Кожин В.В. Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция. М., 1995.

94

³ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. М., 2001.

Союз Русского Народа по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929.

⁵ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 113-133; №3. С. 142-165; №4. С. 135-155; № 10. С. 119-143; Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Там же. № 7. С. 104-124; 1997. № 8. С. 92-117; Переписка и другие документы правых 1911 года // Там же. 1998. № 11-12. С. 119-144; 1999. № III. С. 94-118; 1999. № 11-12. С. 102-130.

⁸ Степанов С.А. Указ. соч. С. 111.

- ⁷ Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX - 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11-12. С. 30.
- ⁸ ЦГИАУ, ф. 838, оп. 4, д. 72, л. 1.
- ⁹ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 162, 164, 165.
- ¹⁰ Касьянов Г.В. Украшська штелґешця на рубеж! XIX-XX столпъ. Кигв, 1993. С. 36.
H a u s m a n Guido. Der Numerus clausus für judische Studenten in Zarenreich / Jahrbucher für Geschichte Osteuropas 41 (1993). Stuttgart. S. 513, 521; Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. М., 1981. С. 78.
- ¹² РГИА, ф. 1284, оп. 187, д. 157, л. 197.
- ¹³ Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 94.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Переписка и другие документы правых (1911-1913 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 11-12. С. 103.
- ¹⁶ Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 112, 117.
- ¹⁷ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 91, 188-189, 203, 461.
- ¹⁸ РГИА, ф. 1284, оп. 187, д. 157, л. 194.
- ¹⁹ Степанов С. А. Указ. соч. С. 227.
- ²⁰ ГА ТО, ф. 927, оп. 1, д. 1184, л. 36.
- ²¹ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 93.
- ²² Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 147.
- ²³ Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 103.
- ²⁴ Левицкий В. Указ. соч. С. 410.
- ²⁵ Союз Русского Народа по материалам... С. 174.
Переписка и другие документы правых (1911-1913 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 11-12. С. 128.
Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 152.
- Союз Русского Народа по материалам... С. 70.
- ²⁹ Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 118.
- ³⁰ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 91.
- " Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 162.
- ³² Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 87.
Союз Русского Народа по материалам... С. 293. ³⁴ Переписка и другие документы правых (1911 г.) // Вопросы истории. 1998. № 11-12. С. 135.
- Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 107.
- ³⁶ ЦГИАУ, ф. 442, оп. 861, д. 259, л. 47 об.
- ³⁷ Там же, ф. 274, оп. 4, д. 209, л. 55, 56.
- ³⁸ Там же, ф. 275, оп. 1, д. 2534, л. 133.
- ³⁹ Там же, л. 90.
- ⁴⁰ Иванова Н.А. Промышленный центр России 1907-1914 гг. М., 1995. С. 247.
- ⁴¹ Засосов Д. А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910 гг. Записки очевидцев. Л., 1991. С. 226.
- ⁴² Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 148.
- ⁴³ Там же. С. 147.
- ⁴⁴ Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 124.
- ⁴⁵ Иванова Н.А. Указ. соч. С. 267, 271.
- Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 111.
- ⁴⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 11. С. 313.
- ⁴⁸ Переписка и другие документы правых (1911-1913 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 11-12. С. 107.